

Ирина Чернякова

КАРЕЛИЯ
НА ПЕРЕЛОМЕ
ЭПОХ

ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНОЙ И АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
XVII ВЕКА

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY
PRESS

1998

Монографическое исследование посвящено крестьянству Карелии — обширного региона на Северо-Западе Русского государства, который в XVI—XVII веках включал в себя Корельский уезд (до рубежа столетий), Заонежские и Лопские погосты — территории в Приладожье, вокруг Онежского озера и к северу и северо-западу от него.

Реконструкция несохранившегося источника, введение в научный оборот новых архивных данных, более адекватное понимание информации давно известных документальных свидетельств эпохи позволили уточнить целый ряд устоявшихся выводов об исторической ситуации в Карелии в переломный для нее период раннего Нового времени.

Будучи пограничной северо-западной областью Российского государства с его ортодоксальным христианством, Карелия на протяжении столетий являлась своего рода «буферной зоной» между различными культурами. При этом как Восток, так и Запад (преимущественно через Скандинавские страны) оказывали влияние на менталитет ее обитателей. Это приграничное положение значительно осложняло жизнь региона не только на очевидном уровне многократных разрушений его хозяйства во времена военных конфликтов и грабительских походов, но и на уровне правительственных распоряжений, постепенно терявших охранительную тональность и к середине XVII века уже разительно отличавшихся от столь характерной для более ранних времен политики «береженья».

Развитие демографической ситуации, хозяйственные характеристики, тенденции в сфере землевладения и сельского расселения, прослеженные с XVI по XVIII век, убедительно свидетельствуют о том, что потенции некогда процветавшего края оказались основательно подорваны в XVI столетии в Приладожье (западная часть региона) и на протяжении XVII века в его восточной части — на территории вокруг Онежского озера. Традиционный уклад жизни оказался разрушен чередой политических событий и мероприятий, которые неизбежно несли новые беды местному населению, будь то межгосударственный конфликт Смуты междуцарствия, или события локального масштаба, как-то введение воеводского управления, организация полков пашенных солдат или строительство города-крепости Олонца, продиктованное изменением границы со Швецией по условиям Столбовского мира 1617 года.

Вместе с тем выявляются и колоссальные возможности выживания, присущие северному крестьянству — в недалеком будущем главной силе, мастерству и выносливости которой обязана Россия воплощением в жизнь идей и политики Петра Первого.

Монография адресована как научным работникам, так и широкой общественности, интересующейся вопросами краеведения, и может быть использована студентами и преподавателями вузов при изучении курсов Отечественной истории.

Рецензенты:

А. Г. Маньков, А. С. Жербин, З. В. Дмитриева

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 97—01—16278*

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАНУНЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ (вместо введения)

Западная Карелия в составе Великого княжества Московского. —
Складывание новой системы землевладения и управления.

7—32

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О КАРЕЛИИ ПЕРИОДА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

33—44

ВОСТОЧНАЯ КАРЕЛИЯ В ДОКУМЕНТАХ XVI—XVII СТОЛЕТИЙ

Общая характеристика использованных источников, их сохранность и информативность. — Опыт реконструкции писцовой книги Ивана Долгорукова и подьячего Постника Ракова 1628—1631 гг.

45—64

ОЛОНЕЦКИЙ КРАЙ В СИСТЕМЕ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

О черносошном статусе основной массы земель Заонежских погостов. —
Структура землевладения в Заонежских погостах в XVII веке.

65—88

НАСЕЛЕНИЕ И РАССЕЛЕНИЕ

Общая характеристика поселений. — Численность и движение населения в крае. — Структура крестьянского двора, семья, ее численный и поколенный состав.

89—126

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Землепользование в заонежской деревне в первой трети XVII века. —
Обеспеченность крестьянских хозяйств надельной землей во второй половине XVII века.

127—146

НАЛОГИ И ПЛАТЕЖИ

147—160

ДРЕВНИЙ ОЛОНЕЦ И ЕГО ПЕРВЫЕ ОБИТАТЕЛИ

Почему было решено поставить крепость на Олонце? —
«Пристойнее всех мест городу быть... на реке на Олонце усть речки Мегреги». — Формирование посада. — Численность населения. —
О занятиях посадских людей.

161—192

**ОБЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ — ФЕНОМЕН ЛОКАЛЬНОЙ
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ**

193—204

МОНАСТЫРИ И ЦЕРКОВНЫЕ ПРИХОДЫ НА БЕРЕГАХ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Какие именно монастыри и церкви и где располагались? — Окутанная легендами ранняя история. — Драматические судьбы Палеострова.

205—226

СТАРООБРЯДЦЫ — ТРАГЕДИЯ РАСКОЛА

Старые порядки в Русской церкви и новые идеи. Реформаторы и их оппоненты. — Церковная община в крестьянском мире и ее значение. — Что именно в старых традициях должно было быть изменено? — Экономические предпосылки феномена старообрядчества. — Добровольная коллективная смерть от огня. — Общежительство на реке Выг и его основатели.

227—244

«КОРЕЛЬСКИЕ ВЫХОДЦЫ» В ОЛОНЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ

245—256

**ЛОПСКИЕ ПОГОСТЫ В СОСТАВЕ ОЛОНЕЦКОГО КРАЯ
В XVII ВЕКЕ**

Территория. Источники. — Население и его занятия. Особенности положения Приграничья. — Поселения и расселение. — Демографическая ситуация в развитии: несколько общих цифр (подсчеты и сопоставления).

257—278

**ПАТРИАРХАЛЬНОСТЬ УСТОЕВ ВЫНУЖДЕНА ОТСТУПИТЬ...
(вместо заключения)**

Отголоски «бунташного века»? — Вековой опыт местных «рудяных промыслов». Крестьянин и заводчик на пороге грядущей эпохи предпринимательства.

279—292

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список использованных писцовых книг и других массовых источников XVI—XVIII веков.

293—294

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛУСТРАЦИЙ

295

НАКАНУНЕ
НОВОГО ВРЕМЕНИ
(ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

НАКАНУНЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ (ВМЕСТОВВЕДЕНИЯ)

*Западная Карелия в составе Великого княжества Московского.
Складывание новой системы землевладения и управления.*

В течение многих десятилетий, отделяющих эпоху европейского Средневековья от эпохи Нового времени — с конца XV по XVII век, территория исконного проживания карельского народа не раз подвергалась переделам. Продолжалось идущее из глубины веков противостояние Запада и Востока*, чьи политические и конфессиональные интересы оказались воплощены в соперничестве

двух держав — России и Швеции, переживавших период становления своего уже близкого могущества. Ко времени рубежа столетий — века XV, трагического для мира православия, когда под ударами турок-османов пал оплот восточного христианства Константинополь и перестала существовать Византия, и века XVI, несшего небывалые потрясения Реформации и миру западному, католическому, — прошло немногим более двух десятилетий, как Карелия вошла в состав Московского княжества как часть присоединенных Иваном III обширных владений потерявшего былое могущество Великого Новгорода. В числе этих, некогда простиравшихся от Балтики до Белого моря земель, оказались расположенные в Северо-Западном Приладожье Корела Передняя (три погоста) и Корела Задняя (четыре погоста), окружавшие Онежское озеро восемнадцать Заонежских погостов**, а также семь Лопских погостов*** — широкая полоса территории к северу от Ладожского и Онежского озер.

Благодаря тому, что в писцовых описаниях, составленных здесь на рубеже XV и XVI столетий, оказались отражены не два, как это обычно бывает в подобных документах, а три временных среза информации, мы имеем редкую возможность анализировать давным-давно канувшую в лету историческую реальность в развитии. Это тем более важно, что содержащая описание Корельского уезда писцовая книга Водской пятины Дмитрия Китаева 1500 г. — нередко неточно именуемая в историографии вслед за формулировкой издателя И. Д. Беляева «переписной окладной книгой»¹ — единственный источник массового характера, которым располагают исследователи для изучения Западной Карелии времен новгородского и начала московского периода. В отличие от писцовой книги 1496 г., составленной Юрием Сабуровым по аналогичному формуляру на территории Обонежской пятины, включавшей и Восточную Карелию и известной науке лишь в виде отдельных сохранившихся фрагментов², описание приладожских погостов дошло до наших дней в полном составе, что позволяет воссоздать историческую ситуацию на всей территории Западной Карелии в переломный период ее истории, и не просто ретроспективно, но в динамике.

Эти документы содержат сведения о «новом письме», отразившем исторические реалии времени проведения второй московской переписи бывших новгородских земель (1496 г. и 1500 г.); сведения о «старом письме» — первой московской переписи^{4*}, информация которой оказалась сохранена в виде всевозможных ремарок и уточняющих замечаний составителей «нового письма»; и, наконец, сведения о времени, предшествовавшем покорению Новгорода — в виде данных о «старом доходе», сопровождаемых упоминанием «законсервированных» в названиях волосток имен прежних землевладельцев.

Информативная многослойность источников создает уникальную возможность для сопоставительного анализа изменений в структуре землевладения в Карельском уезде и в Заонежских погостах с переходом их из-под власти Новгорода под власть великого князя московского в последней трети XV столетия. Это в значительной мере сделано применительно к Восточной Карелии благодаря усилиям целой плеяды советских исследователей и весьма убедительно подытожено Р. Б. Мюллер в обобщающем коллективном труде — «Аграрной истории Северо-Запада России»⁴. Хотя Карельский уезд как часть Водской пятины включен в то же авторитетное издание, сфокусированное на аграрном развитии региона и осуществленное целой группой историков под руководством профессора А. Л. Шапиро, социально-экономическое развитие этой территории исследовано лишь в общих, определяющих чертах и остается немало совершенно невыясненных вопросов на уровне локальной истории Приладожья, отличавшейся, что неоднократно отмечено автором соответствующих глав Ю. Г. Алексеевым, чрезвычайным своеобразием⁵.

Между тем более чем содержательное описание Дмитрия Китаева в комплексе с массовыми описаниями Западной Карелии XVI—XVII веков, изданными за последние лет совместными усилиями ученых из Петрозаводска (Россия) и Йёнсюу (Финляндия)⁶, позволяет вполне детально изучать развитие феодального землевладения, перемены в спектре крестьянских повинностей, равно как и в тяжести налогового пресса, и социально-демографические процессы в этом северо-западном российском приграничье на протяжении последней трети XV столетия и в последующие десятилетия, вплоть до изменения его государственной принадлежности

* Известия средневековых источников: русских летописей, шведских хроник, датских и норвежских анналов, а также булл римских пап, будучи собраны и последовательно проанализированы, складываются в картину нескончаемых конфликтов Новгорода со Швецией³. В историческом контексте Средневековья это были военные походы, грабительские по сути своей, хотя и освященные великой целью крещения язычников в истинную веру Христову. Слишком часто после них оставались лишь разоренные дотла поселения да попрятавшееся по лесам, если удавалось вовремя скрыться, население. Почти всегда в эпицентре событий Карельский перешеек — земля карелов, а сами они нередко в роли активных их участников, и далеко не в каждом случае на стороне Новгорода. Взоры католической Европы устремлены на северо-восток с целью покорения богатых земель языческих племен: по крайней мере три крестовых похода были предприняты шведскими и немецкими феодалами с благословения Рима на сумь, емь и корелу на протяжении второй половины XII и в XIII веке. В 1255 г., уже после широко известных событий с участием знаменитого князя Александра Ярославича, впоследствии канонизированного Русской православной церковью (Невская битва 1240 г., Ледовое побоище 1242 г.), папа римский Александр IV даже назначил сюда «епископом карельским» Фридриха Газельдорфа, что привело к новому обострению борьбы, теперь уже непосредственно за карельскую территорию. В целом, начиная с первого упоминания карелов в летописном рассказе о их походе на емь в 1143 г. и до заключения в сентябре 1323 г. Ореховецкого договора, вместе с первой документально обозначенной фиксацией границы принесшего на некоторое время устроившее новгородцев и шведов на Карельском перешейке и в Финляндии status quo, не менее тридцати походов (всегда в ответ на предыдущее разорение) было совершено с той и другой стороны. Последней крупномасштабной акцией Швеции на восточных берегах Балтики явился неудавшийся поход короля Магнуса в 1348 г., в какой-то мере спровоцированный конфликтом карель-

по Столбовскому мирному договору 1617 г. Это представляется тем более актуальной задачей, что более поздняя история Приладожья — под властью Швеции — детально изучена финляндскими историками В. Салохеймо, К. Катаяла, Э. Кууйо, Ю. Лаппалайненем, В. Войонмаа, а также в целом ряде работ других авторов⁷, и убедительно подытожена внесшим значительный вклад в исследование обозначенных сюжетов профессором Х. Киркиненем в недавно вышедшей обобщающей коллективной монографии, посвященной истории и культуре карельского народа⁸.

Западная Карелия в составе Великого княжества Московского. Складывание новой системы землевладения и управления

Итак, Корельский уезд — северная часть Водской пятины, одной из пяти административно-территориальных единиц, на которые для удобства управления поделены бывшие новгородские земли, с конца 1470-х гг. оказался под властью Москвы, и перемены не заставили себя ждать. Сразу же были конфискованы земельные владения немногих представителей новгородской феодальной элиты — восьми семейств, владевших боярщинами в этом отдаленном приграничном крае (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Смена землевладельцев-бояр на помещиков в Корельском уезде с переходом под власть Москвы

<i>Прежние владельцы</i>	<i>Новые владельцы</i>	
Лука и Исак дети Левонтьевы, Петр Есипов сын Кречатникова	Наместник Корельский	4 дв. 4 чел. 4 лука
	Борис Барыков, человек Михаила Русалкина	8 дв. 14 чел. 14 обеж
Григорий Петров	Осташ Дементьев сын Редрова, человек Василия Борисовича Тучкова	21 дв. 35 чел. 32 обжи
	Васюк Костин сын Печенегова, человек Василия Борисовича Тучкова	18 дв. 38 чел. 33 обжи
Марк Панфильев	Ондрей Никитин сын Пушкина	16 дв. 28 чел. 28 обеж
Василий Балакшин	Давыд Никитин сын Путятина	14 дв. 28 чел. 22 обжи
Настасья, вдова Ивана Григорьева	Наместник Корельский	9 дв. 17 чел. 17 обеж
Мартемьян Феклистов	Ямщики	8 дв. 12 чел. 14 обеж
Ондрей и Семен Филипповы дети Крашова	Борис Барыков, человек Михаила Русалкина	4 дв. 7 чел. 5 обеж

Источник: Приложение, № 1.

Один из наиболее влиятельных и известных в историографии боярских родов Великого Новгорода в лице Марка Панфильевича, внука Селифонта Твердиславича, боярина-«учредителя» Палеостровского монастыря (в 40-е гг. XV века вместе с другими владельцами земель в окрестностях Толвуи он передал в собственность палеостровских старцев исходное ядро будущей монастырской вотчины — остров Палий на Онежском озере⁹), издавна владел землями не только в Заонежье¹⁰, но и в Приладожье. Отец Марка, Панфилий Селифонтович, к своему счастью не доживший до царской опалы и «боярского вывода», возглавлял оппозицию новгородских «житых людей», активно противостоявших притязаниям Москвы и даже был послом к королю польскому и великому князю

литовскому Казимиру IV весной 1471 г. в ситуации противодействия и активного поиска новгородцами внешней силы, способной поддержать их в борьбе с Иваном III¹¹. Известно также, что Марк Панфилевич, в свою очередь, был купеческим старостой в Великом Новгороде, что он сразу после его покорения был арестован по приказу великого князя, а его «животы» — имущество, как и собственность всех других отправленных под конвоем в Москву новгородских оппозиционеров, — были «отписаны» в казну¹². По так называемому «старому письму», первому московскому описанию бывших земель Великого Новгорода, вотчина этого боярина — с полутора десятками деревень в Ровдужском и Сакульском погостах (около двадцати крестьянских дворов) — уже принадлежит служилому человеку Ондрею Никитину сыну Пушкина на праве поместья¹³.

Наибольшей в этой части Приладожья в новгородские времена была боярщина братьев Луки и Исака Левонтьевых: в общей сложности в Ровдужском, Сакульском и Городенском погостах за ними числилось не менее тридцати крестьянских дворов, в которых должно было проживать около 250 обитателей. За Лукой и Исаком Левонтьевыми оказалась примерно четвертая часть всего боярского землевладения в Корельском уезде (в обжах) и — почти в такой же пропорции — дворов зависимого населения с населявшими их крестьянскими семьями (табл. 1.2). Только эту вотчину можно признать более или менее значительной, поскольку она приближалась по объему к пятидесяти обжам, однако в описании Дмитрия Китаева и она уже предстает в разделенном на доли виде. С падением Новгорода земли братьев Левонтьевых также будут розданы в поместья — Осташу Дементьеву сыну Редрова (в Ровдужском погосте) и Борису Барыкову (в Сакульском погосте). Оба вновь испомещенных лица, по всей вероятности, из холопов, так как первого документ именует «Тучковским человеком» Василия Борисовича^{5*}, а второго просто «Михайловским Русалкинским человеком». Еще одна небольшая часть бывшей боярщины теперь пожалована Корельскому наместнику: три деревни в Городенском погосте вместе с жившими в них четырьмя крестьянскими семьями «приданы к Кореле всеми пошлинами и с оброком, опричь обежные дани»¹⁴. Потеряли свои землевладельческие права в Приладожье и остальные шесть боярских семейств,

ской знати с Новгородом. Недовольство давно назревало в связи со слишком активным в глазах «пяти родов корельских детей» проникновением новгородского землевладения на их исконные земли, а теперь, вполне вероятно, местная знать неодобрительно отнеслась к приглашению сюда литовских князей (1333 г.), что, конечно же, сразу должно было сопровождаться выделением земель, и немалых, им «в кормление». В результате заговора Валита 1337 г. Корела даже на какое-то время отошла к шведам, но новгородцы быстро отвоевали ее обратно. непопулярный король Магнус вскоре потерял трон, новый король — приглашенный немецкий князь Альбрехт был озабочен прочностью своего положения, а не дальними походами, и тоже был свергнут. Швеция, подписав в Кальмарском замке союзный договор, вступила в унию с Данией и Норвегией (1397 г.) и надолго лишилась возможности проводить самостоятельную внешнюю политику. Взоры воинственной шведской аристократии вновь обратятся на северо-западные земли Русского государства не ранее чем лет сто спустя, уже в период, о котором мы ведем речь, — в XVI веке.

** Заонежскими погостами в те времена именовали значительно большую территорию, чем собственно Заонежье, — расположенный «за Онегом озером» Заонежский полуостров, изрезанный многочисленными губами — заливами. Здесь находились только три из Заонежских погостов: Шунгский, Кижский и Толвуйский. Остальные располагались между Ладожским и Онежским озерами и вокруг последнего, первоначально доходя до Беломорского побережья — позднее почти целиком включенного в вотчину Соловецкого монастыря. Роль центральных играли поселения, где стояли погостские церкви: Шуя, Кижы, Толвуй, Шуньга, Выгозеро, Челмужи, Водлозеро, Пудож, Шала, Андома, Вытегра, Мегра, Ошта, Остречины, Важены, Веницы и Олонец. До начала XVII века административно в составе региона числился и Пиркиничский погост, отошедший потом к южной половине Обонежской пятины. До того как в 1649 г. была построена Олонецкая крепость, традиционным центром края считалась Ошта.

*** Лопские погосты — Линдозерский, Селецкий, Паданский, Ругозерский, Шуезерский, Панозерский, Семчезерский,

в том числе обладатель второй по величине вотчины Григорий Петров, пожалованный некогда несколькими деревнями на берегах озера Сванского из земель новгородского архиепископа. Отныне они вместе с обитателями принадлежат Васюку Костину сыну Печенегова, тоже «человеку» Василия Борисовича Тучкова. Новые владельцы — дети боярские и служилые люди получили их на правах поместных дач и обязаны нести за это военную службу. Поместья их в целом невелики, хотя следует помнить, что здесь, в интересующем нас Корельском уезде, находились только какие-то части их нередко рассредоточенных по разным местностям Ижорской земли и Приладожья владений.

Остается подчеркнуть, что все боярские земли новгородских времен оказались весьма компактно сконцентрированы всего в трех погостах так называемой Передней Корелы — Ровдужском, Сакульском и Городенском (рис. 1.1). Исключением предстает лишь небольшая волостка из девяти крестьянских дворов — крошечное вкрапление в массиве земель владыки новгородского — в южной части Задней Корелы, Салминском погосте, на восточном берегу Ладожского озера. Она принадлежала одной из богатейших вотчинниц того времени боярыне Настасье, вдове посадника Ивана Григорьевича из знаменитого рода Захарьиничей¹⁵, владевшей и другими землями в Обонежье и Приладожье, в частности, — как известно из опубликованного В. И. Корецким судного дела начала XVI века — в расположенных чуть южнее Кондушях, входивших в состав Пиркиничского погоста¹⁶. К тому времени, о котором мы ведем речь, ее тоже не миновала великокняжеская расправа: в 1483 г. «Настасью славную и богатую поймав разграби» — бесстрастно констатирует Софийская летопись¹⁷.

В целом землевладение новгородских бояр в Корельском уезде — в отличие от Восточной Карелии, где боярские вотчины значительно превосходили по объему вотчины церковные, владычные и своеземческие, — было крайне незначительным и не достигало даже двадцатой доли в общем фонде приладожских земель. Если в Заонежских погостах из почти 3000 обож новгородским боярам, владевшим 93 волостками, принадлежало около 2200 обож, то есть 73 %¹⁸, то здесь из около 4300 обож, зафиксированных в уезде в целом, за представителями восьми боярских родов не числилось даже 170, что составляло чуть более 4 % в общем фонде земель Корельского уезда¹⁹.

Корела Задняя не являлась в полной мере охваченным феодальной колонизацией краем, не только будучи под властью Великого Новгорода, но и позднее, даже еще в начале XVI века. Подтверждением тому — последовательно выявленная нами структура землевладения и его объемы (в обжах и приравненных к ним луках) по погостам (рис. 1.1).

Сразу обращает на себя внимание то обстоятельство, что при очевидном территориальном преобладании самого северного из погостов Корельского уезда — Иломанского, объем положенных в тягло угодий в нем заметно меньше, чем даже в самом небольшом по территории — просто крошечном по сравнению с Иломанским — Ровдужском погосте. О том же свидетельствует явное преобладание в спектре землевладения в северной части Приладожья массивов наместничьих земель — в Кирьяжском и Сердовольском погостах их доля доходила до 2/3 территории. Более чем значительны и объемы площадей за так называемыми «чернокунцами»* — в трех погостах: Кирьяжском, Сердовольском и Иломанском им принадлежало от 1/5 до 2/3 территории. Подавляющей частью последнего из четырех погостов Задней Корелы — Салминского владел новгородский архиепископ. Собственно, и земли, на которых жили чернокунцы,

Таблица 1.2

Боярское землевладение в Корельском уезде в домосковское время

Погост	Землевладелец	Объем ^а
Марк Панфилов		
Ровдужский		17 (8)
Сакульский		18 (8)
<i>Иптого</i>		35 (16)
Василий Балашкин		
Ровдужский		5 (3)
Сакульский		4 (3)
Городенский		13 (8)
<i>Иптого</i>		22 (14)
Лука и Исак Левонтьевы		
Ровдужский		29 (18)
Сакульский		14 (8)
Городенский		4 (4)
<i>Иптого</i>		47 (30)
Петр Есипов сын Кречатникова		
Ровдужский		3 (3)
Ондрей и Семен Филипповы дети Крашова		
Ровдужский		5 (4)
Мартемьян Феклистов		
Городенский		10 (6)
Сакульский		4 (2)
<i>Иптого</i>		14 (8)
Григорий Петров		
Ровдужский		23 (13)
Сакульский		8 (5)
<i>Иптого</i>		31 (18)
Настасья, вдова Ивана Григорьева		
Салминский		17 (9)
<i>Всего</i>		174 (102)

Источник: Приложение, № 1. ^а В обжах (луках); в скобках показано количество крестьянских дворов.

числились за ним, но фактически чернокунцы, как и «наместничьи крестьяне», оставались лично свободными людьми. Это были так называемые «кормленские волости»**, единственной обязанностью жившего в них населения по отношению к феодалу было содержание его приказных людей в случае приезда. Полагают, что никакими другими повинностями они не были обременены²⁰. В целом за «владыкой», как именуют архиепископа новгородского наши источники, в Корельском уезде числилось около 950 дворов, что составляло не менее третьей части всех крестьянских хозяйств, имевшихся тогда в уезде. Более половины земель, принадлежавших архиепископу во всей Водской

позднее и Ребольский — территория современной Средней и Северной Карелии.

4* Считают, что первую перепись, проведенную по распоряжению из Москвы на новгородских землях, следует датировать концом 1470-х — началом 1490-х годов. (См.: Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XV—XVI вв. М., 1955. С. 12; Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 13, 14.)

5* *Василий Борисович Тучко Морозов* — брат известного по летописям московского боярина из близкого окружения великого князя Ивана III — Семена Борисовича Брюхо, который был великокняжеским наместником в Новгороде в конце 1475 г. Братья Морозовы (третий — Иван Борисович) были активными участниками переговоров Ивана III с новгородцами. Думают, что как раз им было поручено подобрать материалы, вошедшие в известный рукописный сборник, похищенный из Царского архива во время польской интервенции в начале XVII века и возвращенный в Россию только после разделов Польши в XVIII столетии. В сборник включены 22 документа: договоры, жалованные, отводные, откупные и уставные грамоты, призванные оправдать на юридическом уровне наступление Москвы на Новгород. Все три брата сопровождали великого князя в его поездке в Новгород в 1480 г., а Василий Борисович Тучко даже возглавлял весенний поход 1480 г. против мятежных князей Бориса и Андрея Углицких. (См.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 132, 201; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 349.)

* *Чернокунцы* — крестьяне-аллодисты, еще не попавшие в феодальную зависимость; происходит от названия древней дани — «черных кун», первоначально, возможно, это были куницы, но позднее так именовались податные взносы любыми мехами, а также деньгами и даже хлебом (зерном).

** *«Кормление»* — способ содержания представителей власти за счет местного населения; «Кормленскими волостями» именовались территории, подати с которых (денежные и натуральные) обеспечивали их всем необходимым.